

Карин Вааль
Её чужая тень

«Литнет»

2026

Вааль К.

Её чужая тень / К. Вааль — «Литнет», 2026

Кай приезжает из Норвегии в Японию, чтобы победить в конкурсе фотографии — и сбежать с собственной свадьбы. Здесь, ошеломлённый другой культурой, припорошенной лепестками сакуры, он обнаруживает, что на его плёнке раз за разом появляется тень девушки, которой.....не существует в реальности. Когда, он наконец находит незнакомку — её тень не совпадает с телом, а сама она не помнит, кто она на самом деле. Теперь Каю предстоит узнать правду о древнем проклятии, девушке и собственных чувствах. История про истинную любовь со счастливым концом.

© Вааль К., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	25
Глава 10	27
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13	34
Глава 14	36
Глава 15	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1

— Ты серьёзно? — голос в телефоне звучал сонно, с норвежской ленцой. — Кай, у нас тут три часа ночи.

— Я тебе фото скинул. Посмотри.

— Я посмотрел. Это тень, Кай. Обычная тень.

— Нет. — Кай зажал телефон плечом и разложил на столе четыре снимка. — Ты не понял. Она повторяется.

— Кто?

— Тень. Одна и та же!

Друг на том конце мира вздохнул. Кай слышал, как тот заворочался в постели, сел, зашуршал одеялом.

Они были знакомы с тех пор, как обоим исполнилось по семь. Переписывались каждый день, когда Кай улетел в Токио. Хокон был единственным, кто брал трубку в три часа ночи.

— Может, не одна и та же? — с тоской спросил Хокон.

— Высокая причёска. Две пряди торчат вверх, как ушки. Подол широкий, разлетается в стороны... Одна и та же!

— Ну... тогда просто чья-то тень? Разных людей? Они в Японии все... Я имею в виду, в кимоно их разве различишь?

— Ничья. Это. Тень, — отчеканил Кай. — Ни одного похожего человека в кадре. На пятерых — шесть теней. Это нормально?

— Э-э-э... тогда ты просто переработал. Совсем спёкся один. Чужая страна, нервы...

— Я не переработал. — Кай провёл пальцем по краю снимка. — Эта тень была в Мэгуро. Потом в Уэно. Потом на мосту через Сумиду. Я проверил геотеги. Три разных района. Одна и та же тень.

— Ты говоришь как сумасшедший.

Кай промолчал. Потому что, кажется, это была правда.

Хокон продолжал что-то бормотать в трубку, но слова уже не доходили. Кай отпил давно остывший кофе из кружки с треснувшим краем — подарок невесты, который не мыл целую вечность — и поднёс очередной снимок к лампе. Свет отразился от глянца, и тень на мгновение стала объёмной, почти живой.

Женский силуэт, который не принадлежал ни одному из тел, попавших в кадр.

— Может, глюк камеры? — спросил, отчаянно зевая, Хокон.

— На разных камерах? Я снимал на две.

— Тогда... не знаю. — Пауза. — Ты уверен, что это вообще девушка? Может, просто узор на асфальте, игра света?

— Уверен. — Кай отложил снимок, взял следующий. — Смотри, вот здесь тень на стене. Видишь профиль? Нос, подбородок, ресницы. Ресницы, Хоук. Ты понимаешь?

— Это плёнка, — Хокон чуть не плакал. — Зернистость, артефакты...

— Я знаю, что я вижу.

Кай отодвинул стул и встал.

Комната была маленькой — арендованная каморка с тёмной кладовкой, куда он ходил проявлять плёнку. На столе разбросаны фотографии, на стенах — распечатки, на полу — пустые стаканчики из-под кофе. Здесь явно не убирали уже несколько дней. Не потому, что некому. Просто некогда было.

Каждое утро Кай выходил из дома с двумя камерами и возвращался, когда плёнка заканчивалась. Снимал тени везде: на пешеходных переходах, в храмах, в метро, в парках, на задвор-

ках рынков. Снимал до онемения пальцев, до рези в глазах — до той минуты, когда переставал различать, где кончается свет и начинается тьма.

А потом бежал в лабораторию, проявлял плёнку — и снова видел её.

Ту, которую не мог поймать.

— Послушай меня, — сказал Хокон, зевая. — Ты там один, без общения, без нормальной еды, невеста пилит, конкурс на носу... Твой мозг просто ищет, за что зацепиться.

— За что зацепиться? — Кай усмехнулся. — Ты думаешь, я выдумал её, потому что мне скучно?

— Я думаю, ты выдумал её, потому что боишься возвращаться.

Кай помолчал.

— Я не выдумал её, — ответил тихо.

— Я не говорю, что выдумал. Я говорю: зачем тебе это? Зачем искать какую-то тень, если у тебя есть невеста, конкурс, дом?

На столе перед ним лежало четырнадцать снимков. Четырнадцать теней одной и той же девушки. Первая — из Мэгуро, где она легла поперёк асфальта, как чужое тело. Вторая — из Уэно, где пряталась за спинами школьников. Третья — у храма, где растворилась в полуденном свете... Четырнадцатая — с моста, где ветер будто распустил её подол.

Кай помнил момент каждой съёмки. Не потому, что запоминал намеренно. Просто в тот миг, когда нажимал на спуск, внутри что-то щёлкало. Сначала не видел тень в видоискателе, но уже знал: сейчас она появится.

Это было похоже на лихорадку.

— Хоук, — голос стал тише, — я её не выдумал.

— Тогда что это? Демон? Призрак?

— Не знаю. — Палец скользнул по самой первой фотографии. — Но я должен её найти.

— Зачем?

— Потому что иначе я никогда не узнаю, не сошёл ли я с ума.

Хокон замолчал. В трубке было слышно дыхание и шум норвежского ветра за окном — оттуда, из другой жизни, где всё было понятным. Где тени принадлежали телам, а люди спали по ночам.

— Ты сам-то себя слышишь? — наконец спросил он.

— Слышу.

— И что думаешь?

Кай поднял снимок к лампе. Тень с высокой причёской смотрела на него из прошлой недели, из другого района, из чужой жизни.

— Думаю, что не успокоюсь, пока не увижу её вживую.

Звонок оборвался. Телефон лёг на стол. Комната звенела тишиной.

Кай сидел перед четырнадцатью снимками и всматривался в их общую тайну. За окном давно рассвело — он этого даже не заметил. Вообще перестал замечать смену дня и ночи. Как мало спит. Как часто забывает поесть. Как телефон разрывается от сообщений невесты, на которые не отвечает.

Только снимки. Только тени. Только та, которую он никогда не видел, но узнал бы с первого взгляда.

Он существовал только здесь — на этих четырнадцати кадрах, в тени девушки, которую никогда не видел.

Кай закрыл глаза и сразу увидел её силуэт на асфальте. Вытянутый, невесомый, чёрный на сером. Волосы собраны наверх, две пряди торчат в стороны. Подол разлетается, будто на ветру. Руки опущены, пальцы расслаблены.

В его воображении она была красивой. Такой красивой, что у него перехватывало дыхание.

Кай открыл глаза и взял камеру.

В комнате нечего было снимать, но он всё равно поднёс её к лицу, навёл на стену — пустую, белую, без единой тени. Долго смотрел в видоискатель. Потом прошептал:

— Где ты?

Ни звука. Ни тени.

Только тишина токийской квартиры, в которой один человек медленно сходил с ума по девушке, которой не было.

Глава 2

Утро в Токио пахло рисом и выхлопными газами. Где-то за углом шипели паровые жаровни — старик в белом колпаке сворачивал рис для онигири, не глядя на очередь. Из открытой двери конбины тянуло холодом и варёными яйцами. Девушка на велосипеде объехала лужу, и её юбка на секунду взметнулась, обнажив колено.

Кай ничего этого не замечал. Брёл по городу, сам не зная куда. Так оказался в Сибуе. Потом — в каком-то переулке.

Он смотрел под ноги. Асфальт был мокрым после ночного дождя. Тени лежали чёткие, угловатые — от фонарных столбов, от рекламных щитов, от велосипедов, прислонённых к стенам. Люди шли мимо, и их тени скользили по тротуару, переплетались, расходились, приковывали взгляд.

Высокая причёска? Широкий подол?

Нет. Пусто.

Ещё пара шагов — и главная улица навалилась со всех сторон. Здесь былолюдно — поток деловых людей в чёрных пальто, школьников в одинаковых юбках, матерей с колясками. Они говорили по телефону, жевали онигири на ходу, стояли перед автоматом с горячим кофе и смотрели в одну точку. Над головами висели провода — чёрные, густые, как паутина. Между ними мелькали большие наглые вороны.

Впереди показалась набережная Сумиды.

Две недели назад Кай вышел из поезда Нарита и остолбенел. После норвежской серости — низкого неба, бесконечных дождей, берёз, облепленных мхом — Токио ударил в голову. Световая реклама на километры вверх, запах раменных бульонов, жжёной резины, толпы, которые двигались как единый организм. Сакура тогда только начинала цвести — розовые облака висели над парками, ветер сбивал лепестки в воздушные реки. Тогда Кай стоял на мосту, сжимал камеру и не знал, куда смотреть. Хотел всё запечатлеть, всё удержать, всё забрать с собой. Остановить время, выдирать куски этого прекрасного безумия на плёнку.

Теперь набережная была та же — и совсем другая. Словно кто-то стёр все краски.

Под ногами хрустела розовая каша — вчерашние цветы уже почернели, прилипали к подошвам. Лепестки падали на плечи, он стряхивал их, не глядя. Откуда-то пахло жареным тестом и зелёным чаем. Студентка в кимоно позировала парню с дорогой камерой. Пожилая пара держалась за руки.

Взгляд скользнул мимо — всё это было не то.

В кармане завибрировал телефон. Кай достал его, не глядя на экран — просто чтобы заглушить — догадывался, кто это.

Мари. Уже в четвёртый раз за утро. Последнее сообщение висело непрочитанным: «Ты вернёшься? Просто скажи да или нет».

Телефон скользнул обратно в карман. Кай ускорил шаг.

Мари была хорошей. Красивой, удобной, правильной.

Они жили в светлой квартире с видом на фьорд. На холодильнике висело расписание встреч, написанное её аккуратным почерком. По утрам она заваривала ему кофе — так, как он любил. Её духи пахли цветами и снегом, и этот запах въелся в подушки, в шторы, в его свитера. Она же выбирала ему рубашки к важным дням и поправляла воротник перед выходом. Напоминала о встречах, смеялась над его шутками — даже не смешными. Её отец владел галереей, и их брак должен был открыть двери, о которых другие фотографы могли только мечтать.

Кай не замечал, что ему не оставили права выбора. В двадцать один год жизнь была полностью передана в заботливые руки невесты — и он принял её понимание счастья как своё.

Может быть, поэтому при первой же возможности он сорвался перед самой свадьбой и полетел на короткие курсы молодых фотографов в Токио в надежде выиграть конкурс. Четыре недели свободы.

Он не планировал исчезать. Хотел просто отвлечься. От свадебного переполоха. От необходимости подстраиваться под вкусы будущего тестя ради собственной выставки.

У него была жизнь. Пусть паршивая, с кучей компромиссов, но своя.

А потом появилась тень — и вытеснила всё остальное. Вкус кофе, запах цветов, шум перекрёстков — всё померкло перед чёрным силуэтом на глянцевой бумаге. Он просыпался с мыслью о ней и засыпал с ней же. Перестал отвечать на сообщения, готовиться к конкурсу, есть, спать, разговаривать.

Пешеходный переход Сибуи накрыл врасплох, вырвав из воспоминаний. Сотни людей пересекались в безумном танце, их тени мельтешили под ногами, наматывались одна на другую, распадалась. Кай едва успевал вертеть головой, ловя каждый силуэт.

Зелёный сменился красным. Поток остановился. Кай стоял посреди перехода, и люди обтекали его, как воду. Кто-то толкнул плечом, бросил раздражённое «сумимасен».

Кай даже не заметил.

Свернул в переулок — узкий, грязный, с ржавыми кондиционерами на стенах. Накануне здесь, у одинокого фонаря, он нашёл её. Ту самую. Чужую тень на мокром асфальте.

Теперь переулок пустовал. Солнце стояло высоко, бетонные стены отбрасывали ровные прямоугольники. Игры теней закончились.

Кай присел, провёл ладонью по шершавой поверхности тротуара. Ничего.

В животе ныло — он не ел со вчерашнего дня: кофе утром и онигири на бегу. Позавчера — банан и две сигареты.

Аппетита не было. Была пустота, которую нужно было заполнить.

Одной фотографией.

Над головой каркнула ворона — чёрная, с маслянистой спиной. Сидела на проводе и смотрела на Кая. Потом сорвалась и полетела вдоль реки, растворяясь в розовом мареве.

Сотни теней скользили по асфальту, переплетались, расходились.

Ни одной — её.

Глава 3

Телефон завибрировал на тумбочке, и Кай подскочил, как от удара.

В комнате было темно. За окном — ни огня, ни звука, только редкие машины шуршали по мокрому асфальту где-то далеко внизу. Он не помнил, как лёг. Не помнил, как вернулся в эту крошечную каморку с обоями в цветочек и продавленной кроватью. Помнил только сакэ — горячее, обжигающее горло, которое пил в маленьком баре за углом, надеясь забыться.

Не получилось.

Голова раскалывалась. Кай потянулся к телефону, щурясь от яркого экрана. Принял вызов и откинулся на подушку.

Мари. Четырнадцатый пропущенный за сегодня.

— Привет, — голос её был звонким, чуть растянутым — она была навеселе. Где-то за её спиной играла музыка, кто-то смеялся, звякали бокалы. — Ты спишь, что ли?

— Уже нет, — прохрипел Кай.

— У тебя там ночь?

— Ночь.

— А у нас вечер, — Мари хихикнула. — Мы у папы в доме, отмечаем сделку. Ты не поверишь! — она сделала паузу, явно наслаждаясь моментом. — Папа согласился.

— На что? — Кай потёр переносицу.

— На твою выставку! В его галерее! Ты представляешь? Я ему говорила, говорила, а он всё тянул. А сегодня — раз, и сказал: «Ладно, пусть делает. Но фото должны быть достойными».

Мари снова хихикнула, и в трубке звякнули бокалы. Слово «достойными» прозвучало так, будто она пробовала дорогое вино.

— Эй, ты меня слышишь? Это твой шанс!

Кай сел на кровати. Голова закружилась, и он зажмурился.

— Какие фото?

— Классические, конечно. Сакура, храмы, обычаи — ну что там у них в Японии красивое. Чтобы было понятно всем, а не только сумасшедшим фотографам. — Мари запнулась, будто испугалась, что сказала лишнее. — Ну ты понял. Классика. Но с изюминкой. Папа сказал: «Взгляд изнутри». Чтобы чувствовалось, что это не турист снимал, а человек, который понял Японию.

Кай молчал. Смотрел на стену напротив, где висели четырнадцать снимков.

— Ты меня слушаешь? — спросила Мари.

— Слушаю.

— Кай, ты какой-то странный. Не рад, что ли?

— Рад, — сказал он и сам не узнал свой голос — плоский, бесцветный.

— И не надо твоих игр с тенями, — добавила Мари мягче, почти ласково. — Сделай нормальные фото, и папа будет твоим навсегда. А там и свадьба, и галерея, и всё, о чём мы мечтали.

Она сказала «мы мечтали», но Кай не помнил, чтобы сам мечтал об этом. Зато помнил другое — как стоял на мосту через Сумиду, смотрел на сакуру и думал: «Боже, как здесь красиво. Я хочу это запомнить навсегда».

Он не думал тогда о галереях. О тестях. О правильных фото.

— Кай!

— Что?

— Ты опять молчишь. Вечно ты молчишь, когда я говорю о важном. — в голосе послышалась обида, и он вдруг ясно представил её — красивую, ухоженную, с безупречным маникюром и сияющей улыбкой, которая стоила ей столько усилий. — Ты вообще меня любишь?

Четыре слова. Такой простой вопрос.

Кай замер и молчал, пока его прекрасная невеста ждала ответа.

— Люблю. — выдохнул он.

— И я тебя люблю, — голос Мари потеплел. — Поэтому сделай это для нас. Хорошо?

— Хорошо.

— Ну вот и славно. Я позвоню завтра, ты мне расскажешь, как у тебя дела. И Кай...

— Да?

— Не вздумай провалить. Папа не прощает ошибок.

Она повесила трубку.

Но в ушах ещё звучали её слова — звонкие, весёлые, пьяные. У неё вечер только начинался — смеялись гости, звенели бокалы с шампанским.

А он сидел в темноте, в чужой стране, и думал: что я тут делаю?

Его жизнь была в Норвегии. В светлой квартире с видом на фьорд. В галерее будущего тестя, где, наконец, его работы получают признание. В правильных фото, которые оценят правильные люди.

Кай лёг, укрылся тонким одеялом и закрыл глаза. За окном всё так же гудел Токио, а где-то на другом конце мира Мари пила шампанское за их будущее.

Он сделает это. Сделает нормальные фото. Сакуру, храмы, традиции. Взгляд изнутри, как просил тесть.

Он почти поверил, что сможет.

Тень осталась за дверью, в темноте токийской ночи.

Глава 4

В аудитории пахло кофе и фотобумагой.

Свет погасили, и в полумраке лица казались бледными, почти бесплотными. Десять студентов сидели, развалившись в креслах, а преподаватель — пожилой японец с редкой седой бородкой — выводил на экран очередную работу.

Кай не спал уже вторую ночь. Или третью — он сбился со счёта. Голова была тяжёлой, веки — свинцовыми, а в висках пульсировала тупая боль, напоминавшая о выпитом накануне саке.

Он помнил звонок Мари. Помнил, как согласился сделать правильные фото. Помнил, как уснул с мыслью, что его жизнь — там, в Норвегии.

А потом проснулся и понял, что не может поднять камеру.

Не потому, что разучился. Просто боялся.

Боялся поднести видеоискатель к глазу, навести на тень и увидеть её — чёрную, длинную, с высокой причёской и широким подолом.

А вдруг он снова увидит её тень — но никогда так и не увидит её саму? Вдруг она останется только на плёнке, а в реальности исчезнет навсегда?

Или хуже — вдруг он больше никогда не увидит ни тени, ни девушки, и все две недели поисков окажутся сном, галлюцинацией, бредом уставшего мозга?

Он боялся остаться один со своей одержимостью. И боялся от неё избавиться.

Поэтому пришёл на лекцию. Сел на последнюю парту. Достал ноутбук, который даже не включил. И теперь смотрел на стену, где в сером прямоугольнике экрана сменяли друг друга чужие фотографии.

— Следующий, — голос преподавателя вывел его из оцепенения. — Кай.

Он вздрогнул.

На экране появились его снимки — те, которые он сделал в первую неделю, до того, как тень завладела его мыслями. Храм Сэнсодзи на рассвете, солнце только касается крыш. Старуха, кормящая голубей на ступенях. Школьницы в одинаковых юбках, переходящие дорогу. Ветка сакуры на фоне небоскрёба.

Классика. Традиция. Правильные фото.

Именно такие хотел видеть будущий тесть.

Преподаватель долго молчал, разглядывая снимки. Потом перевёл взгляд на Кая.

— Это всё?

— Да, — сказал Кай.

В аудитории повисла тишина. Студенты заёрзали. Кто-то кашлянул. Преподаватель — его звали Сато-сан, и Кай почти ничего о нём не знал, кроме того, что он тридцать лет проработал в токийском метро, фотографируя тени пассажиров — медленно перелистнул несколько снимков, остановился на последнем.

Ветка сакуры на фоне небоскрёба.

— А где твои тени? — спросил учитель наконец.

Кай пожал плечами.

— Решил сменить стиль.

— Сменить стиль, — повторил Сато-сан без интонации. — Твои тени были уникальны. Я показывал их другим группам как пример. Ты мог выиграть конкурс с этими снимками.

Кай молчал.

— А эти, — преподаватель кивнул на экран, — эти есть у всех. Их снимает каждый турист, без камеры, на телефон. Они ничем не отличаются от тысяч других фотографий Японии.

— Мне нужны... правильные фото, — выдавил Кай и сам не узнал свой голос — плоский, чужой.

— Для чего? Или для кого?

Кай не ответил.

Сато-сан ещё какое-то время смотрел на него, потом медленно кивнул, будто понял что-то невысказанное вслух.

— Ладно, — переключился на следующего студента. — Араи, твоя очередь.

Кай откинулся на спинку стула и уставился в потолок.

Лекция тянулась бесконечно.

Студенты показывали свои работы — портреты, пейзажи, уличные зарисовки. Кто-то снимал рыбаков на закате, кто-то — кошек в переулках Синдзюку, кто-то — отражения небоскрёбов в витринах магазинов.

Скуотица!

Когда свет включили, студенты зашуршали вещами, заговорили, засмеялись. Кай сунул ноутбук в рюкзак и двинулся к выходу.

— Кай, — голос Сато-сана остановил его у двери. — Останься.

Кай замер. Студенты вышли, и дверь закрылась с мягким щелчком.

В аудитории стало тихо — только вентиляция гудела под потолком, и где-то далеко за окном шумел город.

Преподаватель сидел за своим столом, сложив руки на груди. Смотрел на Кая из-под седых бровей.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего.

— Не ври. Я вижу твои глаза. Ты не спал несколько ночей. Ты принёс снимки, которые сам считаешь мусором. — он помолчал. — Почему ты перестал снимать тени?

Кай стоял у двери, сжимая лямку рюкзака. В голове было пусто.

Он хотел снова сказать что-то правильное — про смену стиля, про новые горизонты, про классику, которую требует рынок.

Но вместо этого выдохнул:

— Я боюсь.

Сато-сан не удивился. Только кивнул, будто ждал этого ответа.

— Чего?

Кай молчал. Слова застревали в горле.

Он не мог рассказать про тень — про то, как она преследовала его по всему Токио, как он просыпался с ней и засыпал с ней. Он не мог признаться, что боится снова поднять камеру, увидеть её тень и не увидеть её саму.

— Боюсь, что больше никогда не сниму ничего стоящего, — сказал он тихо и пожал плечами.

Сато-сан помолчал, потом медленно поднялся из-за стола и подошёл к окну.

За стеклом тянулись крыши Токио — бесконечные, серые, с вкраплениями зелени. Где-то далеко блестела река.

— Знаешь, — сказал он, не оборачиваясь, — я начал снимать тени, потому что не мог смотреть на лица. Лица врут. А тени — нет. — он повернулся к Каю. — Я снимал их сорок лет. И до сих пор боюсь, что однажды они исчезнут. Что я подниму камеру и увижу только... пустой асфальт.

Кай замер. Внутри что-то неприятно ворочалось — то ли голод, то ли предчувствие.

— И что вы делаете? — спросил он.

— Продолжаю снимать, — Сато-сан усмехнулся в усы. — А что мне ещё остаётся?

Он подошёл к Каю и положил руку ему на плечо — сухую, тёплую, с длинными пальцами фотографа.

— Твои тени были особенными. — он помолчал. — Не бросай то, что боишься потерять.

Кай кивнул и вышел в коридор.

Дверь за ним закрылась.

Он стоял в полумраке, прижимая к груди рюкзак с камерой, и прислушивался к этим странным ощущениям внутри.

Голод? Предчувствие? Страх?

И ещё кое-что.

Надежда.

Глава 5

Кай сидел на бетонных ступенях и ел лапшу, словно это последняя еда в его жизни — старался заполнить странную пустоту внутри.

Было уже за полдень, солнце стояло высоко, и тени под ногами стали короткими, почти невидимыми. Он смотрел на них без интереса.

После разговора с Сато-саном была пустота и в голове. Та, которая наступает, когда перестаёшь бороться с тем, что не можешь изменить.

Он решил, что сделает эти чёртовы классические фото. Для тестя. Для Мари. Для себя — того, который должен был стать успешным фотографом в Норвегии, а не сидеть на лестнице в Токио с остывшей лапшой.

Тени подождут.

— Лапша — плохой выбор в такую жару, — сказал кто-то по-японски.

Кай поднял голову.

Перед ним стоял парень — его ровесник, в белой рубашке и тёмных брюках. Простая одежда, но сидела она на нём странно — как будто он не привык к таким вещам. В руке — контейнер с рисом. Он улыбался, и в улыбке было что-то знакомое. Кай не мог объяснить, почему. Просто на секунду показалось, что он уже видел эту улыбку. На старых фотографиях. Или во сне.

—Сумимасэн, — сказал Кай на ломаном японском. — Вакаранай. Я не понимаю.

Парень тут же перешёл на английский — с лёгким акцентом, но почти безупречный.

— Я сказал: лапша в жару — плохой выбор. — он кивнул на ступеньку рядом. — Можно?

Не дожидаясь ответа, он сел, положил контейнер с рисом и рыбой на колени и открыл палочки.

— Юкио, — представился он. — Мы из одной группы.

— Кай.

— Я знаю, — сказал Юкио и ловко подхватил кусок рыбы, отправил в рот.

Кай заметил его пальцы — длинные, тонкие, с очень бледными подушечками. Такие пальцы бывают у пианистов.

— Ты тот самый парень, который снимает тени, — продолжил Юкио жуя. — Сато-сан говорит, ты гений.

Кай усмехнулся.

— Уже нет.

— То есть?

— Я больше не снимаю тени.

Юкио перестал жевать и посмотрел на него с интересом. Но в этом взгляде было что-то не совсем естественное. Как будто он смотрел не на Кая, а сквозь него. На что-то за его спиной.

— Почему? — спросил Юкио.

— Решил сменить стиль, — сказал Кай и в который раз за день почувствовал, как фальшиво это звучит.

Юкио помолчал. Потом кивнул, будто услышал то, что и предполагал.

— Ну, тогда тебе нужны новые сюжеты, — сказал он. — Традиционные. Сакуру уже почти сняли все, кто мог. Храмы — тоже. Обычаи — ещё хуже: туристы снимают их так, что японцам стыдно смотреть.

Он хохотнул и отправил в рот новую порцию риса.

— Откуда ты знаешь, что мне нужны традиционные сюжеты? — спросил Кай.

— Сегодня на лекции ты показал сакуру и храмы. — Юкио наклонил голову, будто прислушивался к чему-то, чего Кай не слышал. — Это не твой стиль. Так что... — он чуть улыбнулся, — ты переключился на коммерцию?

Кай ухмыльнулся.

— Угадал.

Юкио доел рис, аккуратно закрыл контейнер и убрал палочки.

— Я могу помочь, — сказал он. — Показать места, куда туристы не заходят. Настоящую Японию. Не открыточную. Такую... ну, ты поймёшь.

— Зачем тебе это? — спросил Кай, нахмурившись.

Юкио пожал плечами. Жест был живой, человеческий, но почему-то не совпадал с тем, что говорили глаза.

— Мне нравится твой взгляд на вещи. — Он помолчал. — Думаю, тебе просто нужен проводник. И я люблю показывать свой город. Особенно тем, кто... умеет его видеть.

Он чуть выделил слово «умеет». Кай почувствовал, что оно значит больше, чем кажется.

— Хорошо, — Кай улыбнулся. — Согласен.

— Отлично, — Юкио встал, стряхнул с брюк невидимые крошки. — Тогда увидимся сегодня. В полночь.

Кай замер.

— В полночь?

Юкио улыбнулся — как если бы улыбался не двадцатилетний парень, а кто-то, кто видел Токио ещё до того, как он стал называться Токио.

— В полночь город другой, — сказал он тихо. — Тени длиннее. Огни ярче. И фотографии получаются... правдивее.

«Полночь», — повторил Кай про себя. Что-то в этом слове было от самурайских фильмов, которые он смотрел в детстве. Что-то от старой Японии, которой уже не существовало.

Кай хотел спросить, куда они поедут, во что одеться, брать ли штатив. Но Юкио уже развернулся и пошёл вниз по лестнице.

— У общежития! — только бросил он через плечо, не оборачиваясь. — Не опаздывай.

Кай смотрел ему вслед.

Юкио шёл быстро, как-то странно — не задевая прохожих, хотя толпа была плотной. Они расступались перед ним за секунду до того, как он к ним приближался. Или Каю просто показалось.

Он поёжился — впервые за две недели кто-то говорил с ним не как с иностранцем, не как с туристом, не как с сумасшедшим, который бежит за тенью. Как с равным.

Но почему-то при этом хотелось обернуться и проверить, есть ли у Юкио своя тень.

Кай не обернулся. Выбросил остывшую лапшу в урну и пошёл готовить камеру.

Глава 6

Кай подошёл ко входу в общежитие ровно в полночь.

Улица была пуста — только редкие машины проезжали по мокрому после вечернего дождя асфальту. Небо над головой было чистым, без единой звезды — город съел их своими огнями, растянув над крышами бледное зарево.

Юкио уже ждал, прислонившись к фонарному столбу. В руках он держал два бумажных стаканчика и, увидев Кая, протянул один.

— Кофе, — сказал он. — Ночью без кофе нельзя. Токио не прощает тех, кто приходит к нему сонным.

Кай взял стаканчик.

Кофе был горячим, крепким, чёрным — такой, от которого сразу просыпаешься, даже если не хочешь.

— Куда мы идём? — спросил он.

— Куда-нибудь, — Юкио улыбнулся и сделал глоток.

Они пошли по пустым улицам.

Юкио шёл без карты, без телефона — будто не искал дорогу, а вспоминал её. Каждый поворот, каждый переулок, каждую трещину в асфальте. Кай шёл следом, сжимая в одной руке кофе, другой придерживая камеру, которая висела на шее и мягко стучалась о грудь в такт шагам.

Город был другим ночью.

Днём Токио кричал — яркими вывесками, толпами, запахами еды, звуками сирен и перекрёстков. Ночью он говорил шёпотом. Где-то вдалеке мигал красный огонёк на башне. Фонари отбрасывали на асфальт причудливые тени — длинные, перекрученные, будто город примерял на себя чужие силуэты.

Они вышли к узкой улочке, застроенной двухэтажными деревянными домами. Кай не знал этого места — днём он ни за что не нашёл бы его, спрятанное между бетонными высотками, как старая монета между страницами новой книги.

— Это Янака, — сказал Юкио. — Район, который бомбили во время войны. Его почти не восстановили. Он остался таким, каким был. Днём сюда приходят туристы. А ночью... — он сделал паузу, — ночью здесь только кошки и тени.

Они пошли по деревянным мостовым.

Дома стояли вплотную друг к другу, их карнизы нависали над головами, и Каю показалось, что он идёт по крытому переходу, где время застыло несколько десятилетий назад. Ставни были закрыты, лавки — заперты. Только редкие фонари горели в темноте, и их жёлтый свет разливался по мокрой брусчатке масляными лужами.

— Снимай, — сказал Юкио. — Это то, что ты ищешь. Не сакура. Не храмы. Настоящая Япония, которая прячется днём и выходит только ночью.

Кай поднёс камеру к лицу.

В видоискателе мир стал другим — плоским, чёрно-белым, состоящим только из света и теней. Силуэты домов ложились на мостовую, тени фонарей тянулись к стенам, кошки скользили по карнизам — маленькие, изогнутые. Он щёлкал затвором, не думая, не выбирая, не оценивая — просто снимал, как дышал. Чувствовал, как в груди разливается тепло, которое он забыл в последние дни.

— Тебе явно полегчало, — сказал Юкио, наблюдая за ним.

— Что?

— Ты улыбаешься.

Кай опустил камеру и потрогал лицо рукой — действительно, уголки губ были приподняты. Он и не заметил, как это случилось.

— Тени успокаивают, — сказал он.

— Нет, — Юкио покачал головой. — Ты успокаиваешься, когда делаешь то, что любишь. — он помолчал, потом кивнул куда-то вперёд. — Пойдём дальше. Я хочу тебе кое-что показать.

Они свернули в переулок, который казался ещё уже, ещё темнее. В конце горела одна-единственная лампа, и под ней стояла скамейка. На скамейке — никого. Только тень лежала на земле.

Кай замер.

— Не бойся, — усмехнулся Юкио. — Это просто тень. Твоя, кстати.

Кай опустил глаза и усмехнулся. Как глупо.

— Давай посидим, — Юкио кивнул на скамейку и, не дожидаясь ответа, сел.

Кай устроился рядом. Кофе в стаканчике давно остыл, но он всё равно отпивал глоток за глотком.

— Ты спрашивал, зачем я помогаю, — сказал Юкио, глядя куда-то в темноту. — Я помню. И я отвечу.

Кай повернулся к нему.

— Я живу в Токио всю жизнь, — продолжил Юкио. — Я видел, как он меняется. Как старые дома сносят, а на их месте строят стеклянные башни. Как исчезают переулки, где я играл в детстве. Как люди забывают, что такое настоящая ночь — не та, что подсвечена неонами, а та, где слышно только ветер и собственное дыхание. — он повернулся к Каю. — Ты приехал из другой страны и увидел то, чего не замечают местные. Ты снимаешь тени. А тени — это память. Это то, что остаётся, когда всё остальное исчезает.

— Я больше не снимаю тени, — быстро ответил Кай, словно боялся передумать.

— Ты снимаешь их сейчас, — Юкио кивнул на камеру. — И это правильно.

Кай хотел возразить, но не нашёл слов. Потому что Юкио был прав: он снова снимал тени — и чувствовал, как внутри него оживает то, что он пытался убить.

— Я боюсь увидеть то, что... не смогу объяснить, — признался Кай.

Юкио посмотрел на него долгим взглядом. В его глазах отражался жёлтый свет фонаря.

— А ты не пытайся объяснить, — улыбнулся он. — Просто снимай. А когда придёт время — ты поймёшь.

Они сидели так несколько минут — двое вчерашних незнакомцев на одной скамейке в тихом переулке, и ночной Токио дышал вокруг них.

— Пойдём, — наконец, Юкио поднялся, стряхнул невидимые пылинки с брюк. — Солнце скоро встанет, и я хочу показать тебе одно место.

— Какое?

— Увидишь.

Они пошли дальше — через Янаку, через пустые улицы, через мосты над маленькими речками, где вода блестела в свете фонарей как чёрное стекло. Юкио шёл впереди, и его тень стелилась по земле. Кай смотрел на неё, вспоминал свои вчерашние сомнения и пытался не забыть — у всего на этом мире есть тень.

И вдруг понял, что больше не боится.

Он боялся увидеть ту тень — девушку с высокой причёской и широким подолом. Боялся, что она снова появится в видеоискателе, и он не сможет решиться что-то сделать. Пойти за ней? Искать её? Или бросить всё?

Но теперь он знал: если она появится — надо просто снимать. Потому что это единственное, что он умеет.

А решение найдётся в нужный момент.

Они вышли к реке, и Кай увидел, как небо на востоке начинает светлеть — сначала едва заметно, потом всё ярче, разгоняя ночную тьму. Фонари гасли один за другим, и тени становились короче, теряя свою таинственность.

— Рассвет, — сказал Юкио. — Лучшее время для съёмки. Свет мягкий, тени длинные, и город ещё не проснулся.

Он кивнул на мост впереди — старый, железный, с клёпаными фермами.

— Вставай там, — сказал он. — И жди.

— Чего? — спросил Кай, оглядываясь вокруг.

— Первого поезда. Он скоро пройдёт через реку. Если успеешь поймать его отражение на воде — получишь лучший снимок в своей жизни.

Кай встал на мосту, поднял камеру, навёл на воду. Река была спокойной, зеркальной, и в ней отражалось светящееся небо — розовое, золотое, прозрачное.

Он ждал.

И когда поезд прошёл по мосту — его отражение скользнуло по воде, и Кай нажал на спуск.

Лучший или нет — но этот момент Кай запомнит надолго.

Глава 7

Спустя два дня после той съёмки Кай сидел на каменной ступени храма один и ждал Юкио.

Сегодня они должны были сесть в случайно выбранный поезд и выйти на случайной станции — так в фотографиях больше жизни, уверял Юкио. Кай был склонен ему верить. Снимки района Янака открыли ему дорогу в финал. Хотя Сато-сан хмурился и вздыхал, вспоминая снимки теней.

Сейчас, со ступеней храма, было видно всю набережную — широкую, выложенную светлой плиткой, с фонарями, выстроившимися в шеренгу, и редкими прохожими, которые пересекали её в разных направлениях. Кай поднёс камеру к лицу, навёл на резкость и замер.

В видоискателе мир стал плоским — только свет, тени и движение.

Впервые за несколько дней он ловил кадры один за другим. Вот тень мужчины с чемоданом на колёсиках — он снимал подобные сотни раз. Вот тень женщины с коляской — короткая, круглая, будто черепаха. Вот тень парня в наушниках — его кеды отбрасывали острые углы, и каждый шаг рвал асфальт, как бумагу.

Кай щёлкал затвором, не думая, механически. Тени приходили и уходили — длинные, короткие, одинокие, двойные, переплетённые. Он не искал в них смысла. Он просто снимал, чтобы убить время.

А потом видоискатель наполнился ею.

Тень лежала на асфальте одна. Никто не шёл рядом, никто не загораживал её, никто не нарушал её одиночества. Она была длинной, вытянутой, с высокой причёской, похожей на два торчащих вверх пучка, и широким подолом, разлетающимся в стороны, будто на ветру.

Кай замер.

Сердце ударило в горло, в виски, запульсировало в кончиках пальцев, сжимающих камеру. Он боялся дышать. Боялся, что тень исчезнет, если он моргнёт.

Он не мог оторвать камеру от лица.

Боялся поднять объектив выше — туда, где должно было быть тело, отбрасывающее эту тень.

Секунды тянулись, как резина. Тень не двигалась. Она была здесь — чёрная, чёткая, неправильная. Он знал её. Он искал её по всему Токио.

И вот она. Здесь.

Кай медленно опустил камеру, забыв, как дышать.

Девушка стояла в двадцати шагах.

Она была одета в традиционный костюм — длинное кимоно с вышитыми ирисами, широкий пояс, завязанный сзади пышным бантом. Волосы свободно развевались за спиной и прядами падали вперёд, обрамляя бледное лицо. Она смотрела куда-то вдаль — за реку, за мост, за горизонт, — и в её взгляде была такая глубокая задумчивость, будто она видела то, чего не мог видеть никто другой.

Она была прекрасна. Возможно, только для него.

Кай смотрел на неё и не мог пошевелиться.

В голове неожиданно всплывали обрывки когда-то прочитанных стихов японских поэтов — но слова путались, рассыпались, не складывались в строки.

Наконец, он посмел опустить глаза и увидел её тень.

Она была... обычной. Длинной, вытянутой. С облаком пепельно-серых нитей развивающихся по ветру волос.

Нахмурившись, Кай снова поднёс камеру к лицу. Навёл на девушку, опустил взгляд ниже — в видоискателе тень была... та, которую он искал. Девушка с высокой причёской и широким подолом. Девушка, чья тень не соответствовала телу.

Кай переводил взгляд с камеры на реальность, с реальности на камеру. Девушка была одна. Тень была другая. Будто ей пришили чужую, будто кто-то ошибся, накладывая один силуэт на другой.

Он замер.

Ладони вспотели. Камера дрожала в руках.

Что это? Как такое может быть?

Он должен был что-то сделать. Подойти? Заговорить?

Но он не знал японского — только «привет», «спасибо», «извините».

А если она знает английский? Что он скажет? Объяснит, что искал её тень по всему городу?

Она наверняка подумает, что он сумасшедший. Или хуже — иностранный извращенец.

Кай мялся на ступенях, не в силах сделать шаг. Вот-вот придёт Юкио — он сможет помочь, подсказать...

Но в следующую секунду девушка медленно пошла вдоль набережной. Её тень скользила за ней — длинная, чужая, неправильная.

Кай смотрел ей вслед. Он не знал традиций. Не знал языка. Не знал, как подойти к девушке в кимоно, не нарушив правил, не оскорбив, не спугнув.

Но вдруг понял, что если он упустит её сейчас, то больше никогда не найдёт.

Ботинок скрипнул по камню.

Девушка обернулась.

Она смотрела на него ровно секунду, а потом отвернулась и пошла дальше.

Кай не успел даже улыбнуться или что-то сказать. Ни «привет», ни «подождите», ни одно из тех японских слов, которые он выучил за три недели. Он просто стоял, сжимая камеру, и смотрел, как её фигура удаляется вдоль набережной.

А потом медленно поднял камеру. Навёл на удаляющийся силуэт. Зажмурился и нажал на спуск.

Щёлк.

Он сделал это. Он получил тот снимок, за которым носился по всему Токио больше недели.

Девушка свернула за угол и исчезла.

Кай опустил камеру и выдохнул, будто не дышал целую минуту. В груди колотилось, в ушах шумело, пальцы дрожали.

На набережной снова было пусто. Только тени фонарных столбов, редких прохожих и собственных ботинок.

Всё осталось как прежде, но для него — всё изменилось.

Она существует.

Он нашёл её.

Глава 8

Кай пошёл за ней.

Не раздумывая. Не планируя. Забыл про Юкио, который почему-то опаздывал, и их планы. Просто сделал шаг, потом другой — и вот он уже на набережной, в двадцати метрах позади.

Незнакомка шла неспешно, и тень скользила за ней по плиткам.

Кай то и дело поднимал камеру к глазам — не мог оторвать от неё взгляда. Та самая тень. Та, что преследовала его по всему Токио, что снилась ему по ночам, что сделала его безумцем в глазах единственного друга.

Теперь она была здесь. Живая. Настоящая.

Девушка свернула в узкую улочку, застроенную старыми деревянными домами. Их тёмные фасады хранили тень веков, а карнизы низко нависали над мостовой, словно хотели защитить прохожих от солнца.

Кай ускорил шаг, и эхо его ботинок застучало по камню.

У входа в лавку с керамикой стоял мужчина, прислонив велосипед к стене, и Кай едва не врезался в него — пришлось обходить, бормоча извинения на английском, теряя драгоценные секунды.

Наконец, он выскочил за угол: она была там, впереди, её кимоно мелькнуло между двумя фонарными столбами.

Незнакомка шла по теневой стороне, и её силуэт то возникал, то исчезал за вывесками, за ветками низкой сакуры, за спинами редких прохожих. Кай то ускорялся, почти догоняя, то сбавлял шаг, ныряя в тени, как охотник, который боится спугнуть дичь. Он старался держать дистанцию — не слишком близко, чтобы она не обернулась, не слишком далеко, чтобы не потерять её в пестроте утреннего города.

На перекрёстке загорелся красный. Она остановилась на краю тротуара, и свет упал на неё сбоку, вырезав из темноты.

Кай замер в трёх шагах позади, отвернулся к витрине с веерами, сделал вид, что разглядывает роспись на шёлке. Краем глаза он видел её тень — та лежала на асфальте, вытянутая, совершенно обыкновенная.

Загорелся зелёный. Она шагнула вперёд. Он — за ней.

Дальше — в крытую галерею.

Здесь торговали сувенирами — веера, маски, статуэтки богов, амулеты на удачу. Пахло ладаном и жареным тестом. Гомон туристов звенел под стеклянной крышей, и эхо разбивалось о стены, превращаясь в многоголосый шум.

Кай лавировал между людьми, не сводя глаз с её спины — чёрные волосы за спиной, кимоно с вышитыми ирисами, которое колыхалось на ходу, как водная гладь.

Из двери лавки выскочила группа школьниц. Юбки, гольфы, чёрные ранцы за спиной. Они смеялись, болтали на своём певучем языке, перекрывая дорогу.

Кай попытался обойти их стороной, но одна из них шагнула прямо под его ногу. Он столкнулся с ней плечом, развернулся, наступил на ногу другой. Веер сбитых с толку лиц, восклицания, которые он не понимал, смущённые улыбки. «Извините», — выдавил он, пятясь, — «Сумимасэн». Они засмеялись, словно звон колокольчиков. Он вырвался из круга и огляделся.

Её не было.

Сердце ухнуло вниз, в пустоту, и холодная волна поднялась от живота к горлу. Он завертел головой — вперёд, назад, в переулки справа и слева. Только школьницы, туристы, старуха с авоськой.

Она исчезла.

Кай рванул вперёд, расталкивая прохожих, не извиняясь. Заглянул в каждую арку, в каждую щель между лавками, в каждую дверь, ведущую во внутренний дворик. Отчаяние душило его. Он почти закричал.

И вдруг увидел её — в конце галереи, у выхода на улицу.

Девушка стояла спиной к нему, разглядывала что-то на лотке с амулетами.

Кай перевёл дыхание, спрятался за колонну и прижался к холодному камню. Он чувствовал, как сердце колотится где-то в ушах.

Она взяла амулет — маленькую лису из керамики, повертела в руках, поднесла к свету. И положила обратно. И вдруг резко, будто что-то услышав, обернулась.

Кай отпрянул в тень. Затаил дыхание, сжал кулаки, прижался спиной к шершавому бетону. И лишь спустя пару секунд выглянул из-за угла.

Она уже выходила на улицу, и солнечный свет коснулся её плеч, заставив кимоно засиять мягким золотом.

Девушка шла быстрее — будто чувствовала его взгляд.

Кай ускорился, почти перешёл на бег.

Впереди замаячил вход в метро — синяя вывеска на белом фоне, эскалатор, уходящий вниз, в прохладную полутьму.

Кай рванул к турникетам, бросил монеты в автомат, проскочил, едва не задев плечом створку. Влетел на платформу — двери вагона уже складывались, смыкаясь перед ним. Он просунул руку, резиновые створки разъехались с шипением, и он ввалился внутрь, споткнулся о чей-то рюкзак, выпрямился.

Поезд тронулся.

Кай перевёл дыхание. Ладони дрожали, в горле пересохло. Он поднял глаза.

Незнакомка стояла у противоположной двери, держась за поручень. Спокойная, отстранённая, будто не было ни слежки, ни бега, ни его выпрыгивающего из груди сердца. Смотрела в окно на тоннельную тьму, и в чёрном стекле он видел отражение её лица — бледного, с резкими скулами, длинными ресницами и губами, которые, казалось, не знали улыбки.

Он не сводил с неё взгляда. Боялся моргнуть. Боялся, что она исчезнет, растворится в воздухе, как утренний туман над рекой.

Поезд нёс их сквозь темноту. Вагон покачивался, и вместе с ним покачивались тени пассажиров на полу — короткие, рваные, живые.

На станции «Асакуса» двери открылись. Город встретил их запахом реки и цветущей сакуры.

Главная улица вела к храму — мимо рядов с сувенирами, мимо ларьков, где жарили такояки, мимо старух, продающих сладости. Пахло мёдом, и в воздухе кружились лепестки — белые, розовые, почти прозрачные.

Кай держался на расстоянии. Но она итак ни разу не посмотрела в его сторону. Или делала вид.

В конце улицы, у входа в парк, девушка остановилась у ларька с мороженым, достала монету, взяла белый рожок — молочный, с тонкой вафельной кромкой.

Она стояла к нему спиной. Ела мороженое. Смотрела на сакуру, которая ещё держалась на нижних ветках — розовая пена, розовый сон, розовое обещание скорого лета. Лепестки падали ей на плечи, на волосы, на тень, которая лежала у её ног.

Он смотрел на неё, и внутри него что-то щёлкало, как затвор камеры.

Он должен был подойти.

Если не сейчас — никогда.

Кай сделал шаг. Он уже не прятался. Шёл прямо на неё, открыто, как человек, который устал бороться с наваждением и решил утонуть в нём.

Девушка подняла голову, посмотрела на небо, облизнула мороженое. И медленно повернулась.

Кай замер. И весь мир замер вместе с ним.

Она была прекрасна. Как воплощение той самой Японии, которая остаётся за кадром туристических фотографий, прячется в тени бамбуковых рощ и живёт в шорохе кимоно на ночных улицах.

Девушка стряхнула лепестки с плеча. И пошла к нему. Будто плыла по воздуху, едва касаясь земли.

Кай не мог дышать.

Она остановилась в двух шагах от него. Посмотрела прямо в глаза без тени смущения, без робости, которую он ожидал увидеть у девушки в традиционном платье.

— Ты кто такой? — спросила она.

Голос был низким, хрипловатым, с металлическими нотками — совсем не таким, как ожидал Кай. Он звучал грубо, устало, будто она не говорила с людьми годами и забыла, как это делается.

Этот голос разрушил чары. Разбил видение на осколки, как камень разбивает зеркальную гладь пруда.

Она была прекрасна. Но когда она открывала рот, становилось ясно — эта красота обманчива.

— Я фотограф, — выдавил он, и голос его прозвучал жалко, по-детски. — Я снимал твою тень.

— Тень? — она нахмурилась. — Ты следил за мной из-за какой-то тени?

Кай молчал.

Девушка обвела его глазами — дутые кроссовки, мятую куртку, камеру на шее, лицо, на котором, наверное, был написан ужас и восторг одновременно.

— Ты иностранец, что ли?

— Из Норвегии.

— Норвегия, — она скривилась, будто пробовала слово на вкус и находила его горьким. — А в Японии что забыл?

— Фотографирую, — повторил Кай, улыбнувшись. — Тени.

Она усмехнулась. Эта усмешка на её лице была похожа на трещину в фарфоровой чашке.

— Тени, значит, — сказала она. — А на людей смотреть не пробовал? Или ты из тех, кому проще пялиться в пол?

Кай открыл рот, но не нашёл слов.

Она смотрела на него сверху вниз — хотя была ниже почти на голову.

— Ну и что молчишь? — спросила она.

— Я не знаю, что сказать, — выдохнул он.

Она уставилась на него так, будто он сообщил, что луна сделана из рисовой бумаги. Потом улыбнулась и покачала головой.

— Совсем псих, — констатировала она без злобы, скорее устало. — Ладно. Пока, псих.

Она развернулась и пошла прочь, дожевывая мороженое. Исчезла за углом, растворилась в толпе, в лепестках сакуры, в утреннем свете.

А Кай стоял, сжимая камеру, и так и не мог выдавить из себя ни слова.

Глава 9

Слайды сменяли друг друга. Сато-сан говорил о свете и тенях, о дзен-буддизме, о том, как пустота становится формой, а форма возвращается в пустоту.

Кай то внимательно слушал, то отвлекался. Он сидел на последней парте, положив на колени стопку распечаток. Плёнки, проявленные за последние дни, лежали рядом — он успел сделать контактные листы, но так и не отобрал ни одного снимка для финала. Сроки поджимали, а у него не было ничего. Только горы мусора.

Кай листал фотографии, едва глядя. Одна за другой скользили под пальцами — глянцевые, резкие, мёртвые.

Сато-сан переключил слайд. На экране появился календарь с красной отметкой.

— Финальные работы принимаются в понедельник, — сказал он. — У кого нет серии из шести снимков — выбывает.

Кай вздрогнул.

Понедельник. Через пять дней. У него не было даже трёх кадров, которые он мог бы показать без стыда.

Он зашелестел фотографиями быстрее.

Храм. Сакура. Ещё храм. Ещё сакура. Телефон завибрировал — он покосился на экран. Сообщение от Мари: «Позвони. Папа хочет увидеть отобранные фото».

Кай сбросил уведомление и продолжил листать.

Слайд на стене снова сменился. Сато-сан показывал снимки своих старых учеников — грамотно построенные кадры, идеальный свет, выверенная композиция. Правильно и скучно.

Телефон снова завибрировал.

Хокон: «Ты живой?».

Кай чуть не зарычал. Сунул телефон в карман, не отвечая.

Листал. Храм. Храм. Ветка. Тень фонарного столба.

И вдруг — оно.

Фотография застряла между пальцами. Кай замер.

Девушка. Та самая незнакомка.

Он снял её в тот первый день, когда увидел на набережной, когда опустил камеру и понял, что она существует. И уже забыл про этот снимок.

И вот теперь она словно была здесь. Стояла на мосту, полуобернувшись, и ветер подхватывал край её кимоно. Лица почти не было видно — только плечи, изгиб спины, и её чужая тень.

Идеально. Свет падал так, что тень жила своей жизнью, а девушка казалась призраком, сотканным из утреннего тумана.

Сердце Кая заколотилось, выстукивая рваный ритм. Он сжимал фотографию и не мог отвести взгляд.

Это оно. То, что он искал. То, ради чего стоило бороться.

— Кто это? — голос Юкио прозвучал прямо над ухом.

Кай вздрогнул. Юкио сидел позади, прямо за его спиной, но теперь нависал над его плечом, разглядывая снимок.

Кай быстро перевернул фотографию.

— Никто.

— Не похоже на «никого», — Юкио ухмыльнулся и бросил взгляд на Сато-сана. — Отличный кадр. Свет, композиция, тень. Это же твоя работа?

Кай молчал.

Юкио наклонился ближе, заглядывая ему через плечо.

— Дай посмотреть.

— Нет.

— Почему?

— Потому что.

— Кай, — голос Сато-сана раздался с другой стороны, и Кай поднял голову. Преподаватель стоял в двух шагах от его парты. Он смотрел то на Кая, то на Юкио, который так и застыл у чужого плеча. — Ты выбрал снимки для финала?

Кай помотал головой.

— Нет?

— Нет.

Сато-сан помолчал. Потом кивнул на стопку фотографий.

— Покажи, что есть.

— Нечего показывать.

В аудитории повисла тишина. Студенты замерли, прислушиваясь.

Сато-сан медленно кивнул, развернулся и пошёл к экрану, не сказав больше ни слова.

Юкио дождался, пока преподаватель отошёл, и наклонился к самому уху Кая.

— Ты чего? — прошипел он. — Ты дурак? Эта фотография идеальна! Это лучшее, что ты снял за всё время. С ней ты точно победишь!

Кай стиснул зубы.

— Нет.

— Почему?!

Он не мог объяснить. Не мог сказать, почему боится показывать её кому-то, словно эта фотография — не просто снимок, а часть чего-то большего, чего он сам ещё не понимал. Что, если он отдаст её на конкурс, и она перестанет быть его тайной. Станет общей.

Он положил фотографию на стол, придавив другими снимками.

Юкио посмотрел на него с недоумением. Но не стал спорить. Только лёгкая ухмылка мелькнула на губах.

— Ладно, — сказал он. — Твоё дело.

И сел на место.

Кай смотрел на стопку, где под другими снимками лежала её фотография. Пустота, ставшая формой.

Он не знал, почему он только что спрятал свой лучший снимок.

И не знал, правильно ли поступил.

Только чувствовал, что не мог иначе.

Глава 10

Кай вылетел из аудитории, с трудом дождавшись конца лекции.

Дождь шёл с утра — мелкий, колючий. Асфальт блестел, и тени растекались лужами, теряли чёткость, превращались в серые пятна.

Кай поднял капюшон, закрепил камеру на шее и пошёл вперёд, не разбирая дороги.

За ним увязался Юкио. Просто в какой-то момент оказался рядом, сунул руки в карманы пальто и зашагал молча.

Кай не возражал. Ему было всё равно.

Они вышли к каналу. Вода стояла высоко, серая, маслянистая, и капли разбивали её поверхность на тысячи мелких кругов. Баржи проплывали медленно, и их тени скользили по воде, как призраки.

Кай шёл затвором: тень баржи, тень моста, тень рыбака, который просто сидел под зонтом без надежды что-то поймать.

Юкио молчал. Иногда поднимал палец и показывал то в одну сторону, то в другую.

Кай послушно наводил камеру.

Тень фонарного столба на мокрой брусчатке. Тень велосипеда, прислонённого к перилам. Тень старухи с зонтом — ярко-оранжевым, как незатухающий огонь.

В кармане завибрировал телефон.

Кай вытащил трубку, глянул на экран.

Мари.

— Привет, — сказал он, зажимая телефон плечом, продолжая снимать.

— Кай! — голос у неё был бодрый, даже слишком, будто она выпила банки три с энергетиками. — Ты не представляешь, какой сегодня день!

— Какой? — он навёл камеру на парня в наушниках и наклонил ниже, ища его тень.

— Мы выбрали место для свадьбы! Помнишь, я говорила про ту церковь? Папа её забронировал! На сентябрь. Ты только представь: осень, листья, вода...

— Угу, — сказал Кай и нажал на спуск.

— Папа сказал, что если твои фотографии понравятся японскому жюри, он сделает из этой выставки настоящее событие. Пригласит всех важных людей. Ты станешь звездой, Кай!

— Угу.

— Ты меня слушаешь?

— Да, — он перешёл мост, навёл камеру на отражение облаков в воде. — Слушаю.

— И ещё. Папа хочет увидеть твои отобранные снимки. Я сказала, что ты уже почти всё сделал. Ты ведь сделал, правда?

Кай промолчал.

— Кай!

— Да. Почти.

— Ну вот и славно. Я так за тебя рада! Ты только представь, как будем вспоминать эту поездку — ты и твоя японская муза, — она засмеялась. — Твоя муза — это я, конечно.

Мари ещё что-то говорила, но телефон сполз ниже по плечу, и Кай почти ничего не слышал. Он смотрел в видоискатель, где мутная вода встречалась со свинцовым небом, и не мог нажать на спуск.

— Кай, — голос Мари стал громче. — Ты слышишь? Я говорю — я прилетаю.

Он замер.

— Прилетаешь? Когда?

— Послезавтра. Всего на пару дней. Хочу посмотреть твою Японию.

— Послезавтра, — повторил Кай.

— Да. Я пришлю тебе рейс, встретишь меня в аэропорту?

— Да. Конечно.

— Ну вот и славно. Целую. Не пропадай.

Она повесила трубку.

Кай опустил камеру и посмотрел на тёмную воду.

Дождь не прекращался, и капли стекали по лицу.

— Кто это был? — спросил Юкио.

Он стоял в двух шагах, руки всё так же в карманах, капюшон натянут на глаза. Тень его лежала на асфальте — слишком неподвижная для живого человека.

— Моя невеста, — пробормотал Кай и улыбнулся.

Юкио посмотрел на него долгим взглядом. В глазах отражалось серое небо.

— Поздравляю, — сказал он. И добавил тише, будто обращался только к себе: — Или соболезную.

Кай хмыкнул, отвернулся и снова поднял камеру.

Он снимал воду, мост, дождь. И не видел ничего, кроме собственного отражения в луже.

Глава 11

К одиннадцати вечера Кай и Юкио завалились в бар.

Деревянные стойки почернели от времени, табачный дым висел слоями, как туман над болотом, а стены украшали старые афиши джазовых концертов семидесятых. Хозяин — старик с перевязанными пальцами — молча разливал сакэ и не задавал вопросов.

Кай и Юкио сидели за дальним столом, у окна, выходящего в переулок, где на мокрой брусчатке отражались оранжевые фонари. На столе стояли две керамические чашки и тарелка с такояки — шариками из теста с осьминогом, политыми коричневым соусом. Юкио ел аккуратно, разрывая палочками каждый шарик на две части. Кай ковырялся, думая о своём.

— Твоя тень молчит, — сказал Юкио.

Кай поднял голову.

— Что?

— Твои фотографии. Я видел те, что ты сделал сегодня на канале. Они молчат. В них нет жизни.

— Я знаю.

— Знаешь — и продолжаешь?

Кай отхлебнул сакэ. Оно было почти горячим, с горьковатым послевкусием.

— А что мне ещё остаётся? У меня невеста прилетает! Сроки горят! Думаешь, у меня есть выбор?

Юкио отодвинул тарелку и сложил палочки на край стола. Его лицо в полумраке казалось вырезанным из слоновой кости — бледное, гладкое, с глазами, которые всегда смотрели сквозь тебя, будто видели что-то за спиной собеседника.

— Выбор есть всегда, — сказал он. — Даже когда кажется, что его нет.

Кай усмехнулся.

— Это ты о чём? О фотографиях?

— Обо всём, — Юкио взял свою чашку, поднёс к лицу, вдохнул запах. — В Японии мы не выбираем между светом и тенью. Мы принимаем их вместе. Так же и с любовью. Человек — это целое. Со всей его тьмой.

— Ты говоришь странные вещи, — пробормотал Кай.

— Потому что ты не слушаешь.

— Я слушаю.

— Нет. Ты слышишь слова, но не смысл. — Юкио поставил чашку. — Вот скажи: ты любишь свою невесту?

Кай замер. Вопрос повис в воздухе, как меч, занесённый самураем.

— Она хорошая, — сказал он наконец.

— Я не спрашивал, какая она. Я спросил, любишь ли ты её.

— А это важно?

Юкио не ответил.

— Станный ты, — сказал Кай, чтобы прервать молчание. — Я о тебе вообще ничего не знаю.

— Знаешь.

— Нет. Откуда ты взялся? Где твоя семья? Почему ты всё время один?

Юкио взял бутылку сакэ и разлил остатки по чашкам.

— Хочешь узнать?

— Хочу.

— Тогда я лучше покажу, — ухмыльнулся Юкио. — Словами этого не объяснить.

— Покажешь? Как?

Юкио откинулся на спинку стула. Тень его на стене за спиной качнулась — сама по себе.
— У тебя есть три дня?

Кай вспомнил о сроках, о Мари, о конкурсе.

— У меня есть два, — сказал он. — Послезавтра прилетает невеста.

Юкио кивнул.

— Нам хватит.

Он поднял чашку, чокнулся с чашкой Кая, и выпил до дна. Кай последовал его примеру. Сакэ обожгло горло, и в груди разлилось тепло — то самое, которое он чувствовал в первую неделю в Токио, когда город ещё удивлял его своей красотой, а тени не преследовали по ночам.

— Ты мне доверяешь? — спросил Юкио.

Кай посмотрел на его бледное лицо, на глаза, которые смотрели сквозь него, на тень, которая жила своей жизнью.

— Не знаю, — сказал он честно.

— Буду считать, что да, — улыбнулся Юкио.

Они вышли из бара в полночь.

Дождь кончился, и Токио блестел мокрыми крышами, мокрыми улицами, мокрыми тенями. Фонари горели жёлтым, и этот свет делал город похожим на старую гравюру — призрачную, нереальную, застывшую на границе между сном и явью.

— Завтра в пять утра, — сказал Юкио. — Жди у общежития.

— А куда мы поедём?

— Увидишь.

Юкио развернулся и пошёл в одну сторону, Кай — в другую. И только отойдя на десяток шагов, Кай обернулся, будто хотел задать забытый вопрос.

Но Юкио уже исчез. Осталась только пустая улица, мокрый асфальт и тень самого Кая — длинная, одинокая, прижатая к стене.

Глава 12

В пять утра Кай стоял у общежития.

Город ещё спал. Только вороны перекликались на проводах, и редкие такси шуршали по мокрому асфальту.

Юкио пришёл ровно в назначенное время — без рюкзака, без камеры, только пальто, шарф и та же странная улыбка.

— Поехали, — сказал он.

Синкансэн вырвал их из Токио.

За окном мелькали пригороды, рисовые поля, горы, покрытые лесом. Кай смотрел на тени облаков, которые ползли по зелёным склонам, и думал о том, как по-другому здесь всё устроено.

В Норвегии горы были другими — голыми, суровыми, с острыми вершинами и снегом, который не таял даже в июле. А здесь горы казались мягкими, округлыми, будто время сгладило все углы. В Норвегии Кай чувствовал себя маленьким перед величием природы. А здесь — маленьким перед древностью.

В Киото они приехали к полудню. Юкио шел без карты, без телефона — так же, как тогда, в Янаке.

— Сначала поедим, — сказал он.

Они зашли в маленький ресторан у реки Камо. Дверь была такой низкой, что Кай едва не ударился головой. Внутри пахло мисо и старым деревом. Хозяин принёс им тэмпура, тофу с имбирём, мисо-суп.

Кай смотрел на еду и опять вспомнил о Норвегии. Там еда была топливом. Здесь — медитацией.

Он съел всё и попросил добавки. Юкио усмехнулся.

— Ты как ребёнок, — сказал он. — Или как человек, который не знает, когда его накормят в следующий раз.

— И то, и другое, — буркнул Кай.

После обеда они пошли в Гион.

Юкио повёл его не по главной улице, где толпились туристы. Он свернул в переулок. Потом в другой. В третий.

И вдруг время остановилось.

Исчезли машины, голоса, исчез даже ветер. Осталась только тишина — такая плотная, что она давила на уши.

Дома здесь стояли вплотную друг к другу — тёмное дерево, резные карнизы, бамбуковые изгороди. Карнизы низко нависали над мостовой, и казалось, что они хотят защитить прохожих от дождя. Крыши были покрыты старой черепицей, тёмной, с зелёным мхом, который рос в трещинах. Фонари висели на кованых крюках — не электрические, а бумажные, с настоящими свечами внутри, и их жёлтый свет дрожал на ветру, отбрасывая тени, которые двигались сами по себе.

Воздух пах старым деревом, сырой землёй и чем-то ещё — тем, что Кай не мог назвать. Может, веками. Может, той самой Японией, которую он искал все эти недели.

А потом он поднял голову и увидел их.

Гейко.

Кай никогда не видел ничего подобного. Он стоял и смотрел, как они идут по брусчатке, и не мог пошевелиться. Кимоно были тяжёлыми, расшитыми золотом и шёлком. На одном — журавли, на другом — пионы. Лица белые, как рисовая бумага, губы алые. Они двигались плавно, почти не касаясь земли, и кимоно шуршало по камню.

— Красиво, — выдохнул Кай.

— Это искусство, — ответил Юкио, склонив голову к плечу. — Не жизнь.

Кай повернулся к нему.

— А что тогда жизнь?

Юкио пожал плечами, пнул ногой подвернувшийся камень. И промолчал.

— Всё равно красиво, — пробормотал Кай, не дождавшись ответа. — В Норвегии женщины не красят лица в белый цвет. Им бы наоборот — получше загореть. Не тратят часы на причёски.

— И что? — спросил Юкио.

— И они... свободнее. Проще.

Юкио остановился.

— Ты думаешь, свобода — это когда можно снять трусы при первой встрече? — спросил он. — Или когда тебя никто не судит за то, что ты не такой, как все? В Норвегии ты был правильным женихом для правильной невесты. А здесь ты никто. Иностранец. Псих. И тебе это нравится.

Знакомое слово — псих — резануло по ушам, и Кай вздрогнул.

— С чего ты взял?

— С того, что ты до сих пор здесь, — сказал Юкио резко. — Ищешь какие-то тени...

Кай замолчал. Смотрел на гейко, которые почти скрылись за поворотом, а их тени всё ещё лежали на брусчатке — длинные, чёрные, идеальные.

Он хотел обидеться на Юкио, но почему-то не получалось.

— В Норвегии я бы не заметил их тени, — пробормотал он тихо.

— Потому что в Норвегии ты не смотрел под ноги, — Юкио по-дружески ткнул его кулаком в плечо и засмеялся, сбавляя градус напряжения. — Ты смотрел на невесту.

Кай усмехнулся — вышло как-то потерянно.

Они пошли дальше. Кай вертел головой, как сумасшедший, ловя кадры своей старенькой камерой. А Юкио — смотрел на него.

— А ты бы хотел с такой встречаться? — спросил вдруг Юкио, кивая на проходящих мимо гейко.

Кай усмехнулся.

— Она бы меня не поняла. Да и я её.

— В смысле?

— Ну... у нас девушка не будет молчать, чтобы казаться загадочной. Если ты ей нравишься — она скажет. Или покажет. Без этих... ритуалов.

— Как твоя невеста? — спросил Юкио.

Кай усмехнулся.

— Чего ты пристал? — засмеялся Кай. — Не знаю... Наверное. Мари говорит прямо. Даже слишком.

Юкио кивнул, задумчиво огляделся по сторонам, словно видел всё это впервые. Как видят его Японию иностранцы.

Они вышли к реке. Солнце садилось, тени становились длиннее.

— Пошли, — сказал Юкио. — Завтра прилетает твоя невеста. Нам надо успеть.

Следующие полчаса Кай думал о Мари. О том, что она скажет, когда увидит его. О том, что он скажет ей. Он не знал, хочет ли её встречать. Знал только, что завтра она прилетит. И что-то должно решиться.

Потом он вдруг вспомнил о девушке с чужой тенью. Её бледное лицо без макияжа, и её голос — грубый, хриплый, который разрушал все иллюзии.

Она была... неправильной. Неудобной. Грубой. Но настоящей.

Кай вдруг почувствовал, как сильно хочет вернуться в Токио.

— А ты не думал остаться здесь? — спросил, словно прочитал его мысли, Юкио.

— Здесь?

— В Японии. Если ты выиграешь конкурс — тебе предложат продолжить обучение, организуют выставку.

Кай нахмурился, замолчал. Ему нечего было сказать.

Конечно, он думал об этом. Но никогда всерьёз не рассматривал возможность остаться. Мари будет против. А он не пойдёт против Мари.

— Ты должен выбрать, — напомнил о себе Юкио. — Пока не прилетела твоя невеста.

Кай поморщился.

— Не начинай, — отрезал Кай. — Я уже выбрал. Жениться, вернуться в Норвегию. Работать в галерее её отца.

— Звучит так, как будто ты отказался выбирать, — сказал Юкио. — Это не одно и то же.

— Я выбрал. — повторил Кай, чувствуя, что начинает злиться.

— Нет. Это не твой выбор.

— А чей? — Кай развернулся к нему. — Я. Сам. Выбрал. Это моя жизнь.

— Тогда почему ты говоришь об этом, как о приговоре? — спросил Юкио.

И пошёл дальше.

Кай остался стоять на месте.

«Я уже выбрал», — повторил он про себя. Но голос прозвучал неуверенно.

Глава 13

Гион таял за спиной. Узкие улочки, где ещё минуту назад шуршали кимоно гейко, сменились другими — такими же старыми, но более тихими, почти безлюдными.

Кай шёл за Юкио и не спрашивал, куда они направляются. Он уже понял — его новый друг всегда знает дорогу.

Они свернули за поворот. И ещё.

Храм открылся внезапно — пространством, которое возникло между домами, как выдох. Небольшой, прижатый к соседним зданиям, но с той особенной аурой, которая бывает только у мест, где люди оставляют самое сокровенное.

Кай остановился.

Посреди двора стоял камень, весь, от основания до макушки, облепленный белыми бумажками.

Тысячи. Десятки тысяч бумажек. Они свисали с него, как снег, как лепестки, как чужие застывшие слёзы. Шевелились на ветру, тихо шуршали, переговаривались друг с другом, и в этом шорохе Каю слышалось что-то важное, но он не мог разобрать — что именно.

А в центре камня зияла дыра. Чёрный круглый сквозной проход.

Кай подошёл ближе, протянул руку к бумажке, но не коснулся — побоялся. Словно эти чужие надежды были слишком хрупкими, чтобы их трогать.

— Это катаси́ро, — сказал Юкио за спиной. — Бумажные амулеты. Люди пишут на них свои молитвы.

— И что потом? — выдохнул Кай.

— Потом пролезают через дыру.

Кай обошёл камень вокруг.

С другой стороны бумажек было не меньше. Они висели плотно, в несколько слоёв, и казалось, что камень дышит ими, живёт ими, хранит их. Каждая бумажка — чья-то жизнь. Чья-то боль. Чьё-то желание перевернуть всё.

Кай подумал о Норвегии. О доме, где всё было предсказуемым и правильным. О Мари, которая ждала его возвращения. О свадьбе, которая приближалась с каждым днём. Он думал об этом и чувствовал, как внутри закипает странное, липкое беспокойство.

— Юкио, — сказал Кай, поёжившись. — Что это за место?

— Храм Ясуи Конпира-гу, — Юкио подошёл и встал рядом. — Его построили в седьмом веке. Говорят, здесь молился император Сутоку. Его сослали, он умер в изгнании, а потом стал божеством, которое помогает разрывать порочные связи и создавать чистые.

— То есть?

— То есть если ты хочешь избавиться от чего-то — привычки, страха, плохих отношений — ты приходишь сюда. Проходишь через этот проход. И оставляешь всё за спиной.

Кай смотрел на дыру. Она была чёрной, глубокой, и в ней не было ничего страшного — просто отверстие в камне, чуть больше человеческого тела. Но что-то в ней заставляло сердце биться чаще.

— А если хочешь обрести что-то новое — тогда проходишь в обратную сторону. — продолжил Юкио, помолчал и обернулся к Каю. — Знаешь, в чём разница между японскими желаниями и западными?

— В чём?

— Мы не просим у богов готовые ответы. Мы просим силы измениться самим. Камень не решает за тебя. Он только показывает путь.

Кай смотрел на бумажки. Они шуршали на ветру, и в этом шорохе ему слышались голоса — тихие, почти молитвенные.

Он не знал японского, не мог прочитать то, что написано. Но прекрасно представлял людские желания. Представил, как тысячи людей стояли здесь, на этом самом месте, держали в руках бумажки и шептали. Как они опускались на колени, пролезали через дыру, приклеивали свои катаси́ро к камню. И уходили — облегчённые, свободные, с чувством, что они что-то изменили.

— Юкио, — сказал Кай. — А сам камень? Откуда он взялся?

— Его принесли боги, — Юкио усмехнулся, задумался. — Или люди. Не важно. Важно то, что он работает.

— Ты веришь в это? — на лице Кая дрогнула робкая улыбка.

Юкио посмотрел на него долгим взглядом.

— Я знаю это, — сказал он. — Я сам когда-то стоял здесь. И прошёл через эту дыру.

Кай повернулся к нему и посмотрел с любопытством.

— Ты? Зачем?

— Чтобы оставить всё позади. И начать заново.

Кай снова посмотрел на дыру и вдруг подумал: а что, если он сейчас пролезет через эту дыру? Что он хотел бы отрезать? Что хотел бы обрести?

Но мысли путались.

Он не знал. Или боялся себе признаться.

— Не думай слишком долго, — засмеялся Юкио. — В Японии мы верим, что тело знает лучше головы. Прелезь. А потом разбирайся.

— Я не могу, — сказал Кай.

— Не можешь или не хочешь?

— Не знаю.

Юкио усмехнулся и полез в карман пальто. Достал маленький бумажный свёрток — ката-си́ро, понял Кай.

— Возьми, — сказал Юкио. — Напиши то, что хочешь оставить. И то, что хочешь обрести. А потом пролезь.

Кай взял бумажку. Она была белой, чистой, и на ней не было ничего — ни строчек, ни пометок, только лёгкий запах ладана, который он уже научился узнавать.

— А если я не хочу ничего менять? — спросил он неуверенно.

Юкио посмотрел на него с усмешкой.

— Тогда пошли? Иначе — зачем ты здесь?

Кай сжал бумажку в кулаке и посмотрел на Юкио.

— Дай ручку, — сказал он.

Юкио протянул ему чёрный маркер.

Кай стоял перед камнем, держал в руках белую бумажку и не знал, что писать. Мысли путались, разбегались, не складывались в слова. Он подумал: может, не надо? Может, просто уйти, сесть в поезд, вернуться в Токио, встретить Мари в аэропорту и забыть этот храм, эту ночь, этот камень, покрытый чужими желаниями?

Но ноги не двигались.

Кай опустился на колени перед дырой. Заглянул внутрь. Темнота была живой, и в ней не было ничего страшного — только тишина. Такая же, как в ту ночь, когда он впервые увидел тень на плёнке.

Юкио не торопил — стоял молча, спрятав руки в карманы.

Ветер шевелил бумажки на камне, и они шуршали, как тысячи голосов, которые шептали: «решайся».

Глава 14

Кай стоял на коленях перед камнем так долго, что колени начали ныть.

Бумажка в руке промокла от пота, но он так и не написал на ней ни слова.

— Ну что? — голос прозвучал откуда-то сверху.

Кай поднял голову. Юкио стоял в трёх шагах, засунув руки в карманы, и смотрел на него с любопытством.

— Не могу, — признался Кай.

— Не можешь или не хочешь?

— И то, и другое.

Кай медленно поднялся с колен, стряхнул с джинсов приставшие пылинки. Бумажку он так и держал в руке. Внутри было привычно пусто. Как всегда в последние годы.

Правильно. Удобно. Без сомнений.

Потому что сомнения — это роскошь, которую он не мог себе позволить. Мари, галерея, свадьба, тесть — всё это было выстроено так давно, так прочно, что даже думать о другом казалось предательством себя самого. Того Кая, который столько лет вкладывался в эту жизнь.

Кай протянул бумажку Юкио.

— Забери.

Юкио не взял.

— Нет.

— Почему?

— Это твой талисман.

— Но я ничего на нём не написал.

— Оставь, — сказал Юкио. — Вдруг когда-нибудь пригодится.

Кай хотел бросить бумажку в урну, но что-то остановило. Он посмотрел на неё — белую, чистую, с лёгким запахом ладана. Сунул в карман куртки.

И тут же услышал — пришло сообщение.

Кай достал телефон, глянул на экран. Мари. Конечно, Мари!

«Вылетаю завтра в 10 утра. Встретишь? Скучаю! Скоро увидимся».

Кай прочитал дважды, ухмыльнулся, покачал головой, удивляясь тому, как вовремя пришло сообщение — будто сама судьба напоминала ему о себе. Написал: «Да, встречу». Отправил и убрал телефон.

Мари прилетает завтра. Скоро всё встанет на свои места.

Юкио молча развернулся и пошёл к выходу из храма. Его шаги звучали тихо, почти беззвучно, и тень стелилась за ним — длинная, спокойная, чуть бледнее обычного. Или так просто казалось.

Кай остался один.

Он не мог оторвать взгляд от камня и не мог от него уйти. Смотрел на тысячу бумажек, которые шевелились на ветру, на чёрную дыру, в которой таилась темнота. Ветер трепал волосы, доносил запах ладана и сырой земли, и ещё чего-то неуловимого — может, сухих листьев, может, храма, помнившего императоров и изгнанников, гейш и самураев, тысячи людей, которые стояли здесь на коленях и шептали свои желания. Их голоса до сих пор жили в этих бумажках. Шуршали по ночам. Переговаривались друг с другом, как старые друзья.

Что-то шевельнулось в груди едва незаметно.

Кай не понял, что это было — тоска, сожаление, предчувствие.

Он отогнал это чувство, как отгоняют назойливую муху.

Не сейчас. Не здесь. У него есть Мари, свадьба, будущее. А этот камень — просто туристическая достопримечательность. Просто странный ритуал. Просто...

Кай поднял камеру.

Не готовился. Не выбирал ракурс. Не думал о свете и композиции. Просто поднёс к глазу и нажал на спуск.

Щёлк.

Один кадр. Камень, облепленный бумажками, и тень самого Кая — длинная, чёрная, прижатая к земле.

Он опустил камеру. Развернулся и пошёл за Юкио.

У входа в храм он почти догнал его.

— Решил? — спросил Юкио, не оборачиваясь.

— А что решать? — Кай пожал плечами, улыбаясь. — У меня завтра невеста прилетает. Скоро свадьба. Потом галерея. Всё уже решено.

— Ты так говоришь, как будто это не твоя жизнь.

— Моя. Просто я не ною, как некоторые.

Юкио выдохнул дым. Он поднимался вверх, смешивался с ночной темнотой и таял, как чья-то чужая тень.

— Я рад, что ты в этом уверен, — улыбнулся Юкио.

На вокзале они купили бэнто — деревянные коробочки с рисом, рыбой и маринованными овощами, завернутые в пёструю ткань фуросики. Продавщица улыбнулась им, поклонилась, сказала что-то ласковое на прощание.

Уже в поезде Кай взял палочки, открыл крышку. Рис был тёплым, рыба таяла на языке, а овощи приятно хрустели. Он ел и смотрел в окно, как мимо проплывают огни Киото — свет из домов, где кто-то ещё не спал.

Юкио сидел напротив, ел молча, иногда поглядывал на Кая, но ничего не говорил. В вагоне было тихо — только колёса стучали на стыках, да изредка объявлял станции мягкий голос диктора.

Кай смотрел на своё отражение в стекле — уставшее лицо, взлохмаченные волосы, камера на шее. И где-то там, на заднем фоне, как его собственная тень — стояла та девушка.

Кай вздрогнул, зажмурился, снова открыл глаза. Её уже не было.

Наваждение. Просто наваждение.

Завтра прилетит Мари, и всё встанет на свои места.

Он в этом почти не сомневался. Почти.

Глава 15

— Ка-а-ай!

Мари выбежала из дверей зоны прилёта первой — светлые волосы развеваются, платье летит, руки раскрыты для объятий. Она набросилась на него, обхватила за шею, повисла, засмеялась прямо в ухо.

Кай почувствовал запах её духов — цветочный, сладкий, знакомый до боли. Запах дома. Запах Норвегии. Запах жизни, которая ждала его там, за тысячи километров отсюда.

— Боже, какой ты худой! Ты вообще ешь? Ты спать-то ложишься? — она отстранилась, заглянула в глаза, потрогала щёку. — Ты какой-то другой. Тени под глазами.

Она говорила быстро, сбивчиво, перескакивая с норвежского на английский и обратно. Смеялась. Гладила его по спине, целовала в уголок губ. И Кай вдруг почувствовал, как напряжение последних недель начинает отпускать.

Мари здесь. Всё будет хорошо.

Кай обнял свою невесту, и только тогда заметил за её плечом знакомую фигуру.

— Сюрприз, бродяга, — закричал Хокон, выскакивая из-за спины Мари, и хлопнул Кая по плечу так, что тот покачнулся. — Думал бросить нас тут? Пришлось лететь за тобой.

Хокон выглядел так, будто только что вернулся из похода — растянутая толстовка, джинсы в краске, невытая голова. Но улыбался своей обычной кривой улыбкой, и Кай невольно улыбнулся в ответ.

Друг. Старый друг, с которым можно молчать и пить пиво, не объясняя, почему на душе тошно.

— Вы что, вместе прилетели? — спросил Кай.

— Да. Мари сказала, что летит на пару дней. И я подумал — почему бы и нет? — засмеялся Хокон и похлопал Кая по плечу. — Забрал последний билет. Представляешь?

Они с Мари переглянулись. Кай заметил, но не придал значения. В конце концов, они были знакомы... Сколько, года три?

Мари снова повисла у него на плече.

— Покажи нам Токио! Я хочу увидеть всё — сакуру, храмы, эти ваши переходы, где миллион людей. Веди нас, фотограф!

— Сначала нужно заехать ко мне за камерой. Не против? — приобнял её Кай и тут же отстранился. — Я живу в Мэгуро.

— За камерой? Ты не меняешься! Чего сразу не взял? В Мэгуро? Это где? Это далеко? А мы в Синдзюку, в шикарном отеле, с видом на город! — Мари начала пританцовывать на месте. — Там кровать размером с лодку!

Кай улыбнулся.

Всё как раньше.

Квартира Кая встретила их полумраком и запахом фиксажа.

Мари остановилась на пороге, огляделась.

— Кай... ты здесь живёшь? Это... скромно.

— Творческий беспорядок, — Кай пожал плечами.

— Бардак, — сказал Хокон и ткнул пальцем в стопку грязных тарелок на подоконнике. — Ты, небось, питаешься одним кофе?

Мари подошла к стене, на которой висели приколотые распечатки. Храмы. Сакура. Школьные. Тени.

— Красиво, — прошептала она. — Это ты снимал?

— Да.

— А где те самые, для папы? Он ждёт их. Я сказала, что ты уже почти всё сделал.

Кай промолчал, делая вид, что очень занят поисками новой плёнки.

Хокон тем временем подошёл к столу и взял одну распечатку — ту самую, с тенью на мосту.

— Это твоя загадочная девица? — спросил он, не оборачиваясь.

Кай шагнул к нему и выдернул снимок из рук. Сунул в ящик стола.

— Пошли, — отрезал он. — Мари хочет посмотреть город.

Хокон поднял бровь, открыл рот, чтобы что-то сказать, но промолчал.

Токио оглушил их светом и шумом.

Мари крутилась волчком, щёлкала камерой на телефоне, кричала «смотри, смотри!» и дёргала Кая за рукав. Она была живой, громкой, настоящей — и Кай вдруг почувствовал, что оттаивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.